

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Новый подход к изучению и осмыслению истории Евразии в контексте взаимовлияния различных культур и исторических явлений, позволил евразийцам обосновывать собственную историческую концепцию, качественно отличающуюся от традиционной концепции истории русского народа.

Евразийское движение, возникшее в среде русской эмиграции в 1920-х годах, породило уникальное учение, вобравшее в себя разнообразный по научным областям знаний подход к пересмотру основных представлений хода русского исторического развития. Полем исторического исследования ученых явилось временное пространство с момента возникновения Российской империи VIII–XX веков вплоть до образования СССР.

Пристальный интерес в истории в целом определяет евразийство, которое многими понималось и понимается только лишь как историсофское направление. Обращение к фактам истории для обоснования или иллюстрации тех или иных идей характерно большинству евразийских авторов. Отсюда неслучайно, что исследователями исторического процесса уделялось значительное внимание исторической теории и концептологии. В различное время в евразийских изданиях сотрудничали видные историки П. М. Бицилли, С. Г. Пушкарев, востоковед В. П. Никитин, на

исторические темы писали П. Н. Савицкий, И. С. Трубецкой. Главная же заслуга в придании исторической концепции классического евразийства целостного, академического характера принадлежит Г. В. Вернадскому.

Тесное переплетение философских, историсофских, исторических, культурологических, религиозных знаний в евразийстве объясняется стремлением обосновать великое историческое предназначение России, раскрыть смысл исторического процесса в целом. Евразийцы попытались расширить русскую историю до рамок истории Евразии как особого исторического и географического мира, простирающегося от границ Польши до Великой Китайской стены.

Термин «Евразия», введенный в научный оборот, в Европе – Гумбольдом, в России – географом В. И. Ламанским обозначал территорию Старого Света: Европу и Азию. Он был использован в научных исследованиях одним из основателей евразийского движения П. Н. Савицким и принят за основу при определении географичес-

кого измерения евразийского пространства. Основополагающим для концептуальных построений евразийцев стало понятие Евразии как «месторазвития» населяющих ее народов. Занимающий срединное положение между собственно Европой и Азией евразийский материк обладал природноклиматическими особенностями, превращавшими его в «континент-океан», обеспечивающий единое хозяйственное, культурное и политическое развитие живущих здесь народов. Его пространственная ограниченность и связанность степью определяла общность их исторических судеб и сформировавшихся под влиянием среды этнопсихологических черт, религиозных взглядов и чувств, языков. «Естественные условия равнинной Евразии, – писалось в программном заявлении евразийцев, – ее почва и особенно степная полоса, по которой распространилась русская народность, определяют хозяйственно-социальные процессы евразийской культуры. Все это возвращает нас к основным чертам евразийского психологического уклада – к осознанию органичности социально-политической жизни и ее связи с природою, к «материковому» размаху, к «русской широте» и к известной условности исторически устаивающихся форм, к «материковому» национальному самосознанию в безграничности, которое для европейского взгляда часто кажется отсутствием патриотизма, т.е. патриотизма европейского. Европейский традиционализм ... является верностью своей основной стихии и тенденции и неразрушимую уверенностью в ее силе и окончательном торжестве»[1].

П. Н. Савицкий отмечал, что в пределах евразийского мира испокон веков существовала тенденция к культурной и политической унификации и, что история Евразии в значительной мере есть история этих тенденций. Именно наличие этих тенденций характерно отличают историю Евразии от истории Европы и Азии, гораздо более раздробленных в политическом и культурном смысле [2]. Названные тенденции сказываются уже в пределах медного и бронзового веков, в течение которых вся евразийская степная зона, от причерноморских степей до восточно-сибирских, была занята культурами андроновских погребений. Уже тогда резко обозначилась специфическая связь между культурами евразийской степной и лежащей к северу от нее евразийской

лесной зоны. В более позднюю эпоху, уже в пределах железного века, основными фактами истории Евразии было существование скифской и гуннской держав.

Дальнейшим крупным событием общеевразийской истории было образование и расцвет Монгольской империи. Евразийцы отмечали, что в течение первых тысячелетий истории Евразии русское «племя» находилось несколько в стороне от большого русла евразийской истории, хотя основные события ее отзывались на нем непосредственно [3]. Они отмечали, что Киевская Русь возникла на западной окраине Евразии в эпоху временного ослабления общеевразийских объединительных тенденций. Монгольским завоеванием Русь была втянута в общий ход евразийских событий и приняла на себя роль общеевразийскую объединительную роль, которую до сих пор выполняли исключительно степные, кочевые народы. Скифский, гуннский и монгольский период после ослабления Золотой Орды были продолжены периодом русским. То есть прослеживается преемственность этих периодов как последовательных этапов евразийской единой истории. По мнению евразийцев прослеживаемость данного преемства имеет для русского историка не меньшее значение, чем изучение собственно русской истории[4]. Указанная концепция евразийской истории была наиболее полно выражена в «Начертаниях русской истории» Г. В. Вернадским.

Новизна евразийской интерпретации русской истории заключалась, прежде всего, в переосмыслении ряда устоявшихся положений традиционной историографии. Евразийцы критиковали предшествующую историографическую традицию, определявшую татарское иго своего рода «провалом» в русской истории [5]. Они указывали, что по удельному весу монгольское влияние на Русь было более значимым, чем византийское. Они настаивали на том, что нельзя считать монгольское влияние только деструктивным. При этом приводились доводы положительного взаимодействия «техники монгольской государственности», фискальной системы, ямской службы, переписи населения. Но самым главным они считали, что благодаря монгольскому завоеванию прекратились княжеские междоусобицы и были созданы предпосылки для формирования централизованного государства.

Таким образом, кочевые народы рассматривались евразийцами как деятельный субъект русского исторического процесса, а за татарским игом признавалось определенное положительное значение.

Евразийские исследователи классического направления предложили пересмотреть тезис о включенности России в общеевропейский исторический процесс на правах отсталой «периферийной» страны, основной исторической «миссией» которой представлялось сдерживание дикого восточного варварства. Вместо роли «заслона» для Европы от «дикой азиатчины», евразийцы предложили видение самостоятельной, уникальной, поступательной истории русского народа в тесном взаимодействии с другими народами, населяющими евразийское пространство. Негативно оценивая «петровские реформы», повлекшие за собой «европеизацию» России, евразийцы считали, что «западное» развитие страны привело в последствии к катастрофическим последствиям русской революции и гражданской войны. Европеизация привела, по мнению евразийцев к извращению евразийской самобытности России, замутнению национального самосознания интеллигенции, бездумно воспринимающей западные образцы, что в свою очередь привело к расколу культуры на «низы» и «верхи», а в конечном итоге краху империи.

Согласно евразийской теории, золотым веком русской истории было Московское царство, которое проявилось в русско-татарском симбиозе. Туранское начало русской истории евразийцы считали весьма важным и предопределяющим для всего хода истории евразийских народов. Достижением евразийского обоснования «туранского» элемента в истории России явилось то, что оно представляло собой синтез истории, этнографии, географии, геополитики. Профессиональный историк-евразиец Г.В. Вернадский считал необходимым подкрепить философские разработки своих единомышленников конкретными историческими исследованиями. В частности он подчеркивал: «Монгольское нашествие было, конечно, ужасным несчастьем для подвергшихся ему стран... Массовое разграбление и уничтожение собственности и жизни на Руси было ошеломляющим ударом, который оглушил русский народ... Потери, были колоссальны» [6]. Среди последствий завоевания историк приводит упадок ре-

месел, исчезновение каменного строительства, ликвидацию вечевых свобод, подрыв авторитета и позиций боярского сословия, общее ужесточение жизни и т.д. И, тем не менее, ученый в целом указывал на положительные масштабы последствий монгольских завоеваний для эволюционного развития страны.

Евразийское видение исторической концепции евразийского пространства, в частности русской истории, вызывало и вызывает немало споров и противоречий в среде российских историков. Прежде всего, это касается анализа монгольского ига на Руси, евразийского осмысления «наследия Чингис-хана». Одной из главных идей П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, Г. В. Вернадского и некоторых других стала идея о том, что монголы заложили основы начала единства Евразии, ее государственности и политического строя. Они были глубоко убеждены, что в исторической перспективе Россия – преемница «великого наследия Чингис-хана», что Киевская Русь, традиционно считавшаяся колыбелью русского государства, цивилизационно, геополитически была лишь разновидностью провинции Византии. Анализируя наследие Чингис-хана, Н. С. Трубецкой подчеркивал, что в его империи евразийский культурный мир впервые предстал как целое. Его работа «Наследие Чингис-хана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока», опубликованная в 1925 году, стала новым словом в исторической науке. В ней не раз подчеркивается, что «великий Чингис-хан, завоеывая Евразию, государственно ее объединил, совершил дело исторически необходимое и осуществлял вполне реальную, самой природой поставленную историческую задачу [7].

Необходимо отметить несомненные эвристические заслуги евразийских историков в отстаивании объективного, всестороннего подхода к изучению монгольского периода русской истории. Замалчивание, а порой и сознательное искажение сути исторического влияния и роли монгол в становлении евразийской политической, хозяйственно-экономической, культурной, этнической общности ими было преодолено. Евразийцы обратили внимание на некоторые малоизвестные исторические факты и события, предложили нетрадиционное их истолкование.

Например, широко известно об историческом значении выбора веры князем Владимиром для

всего последующего развития русской истории. Г. В. Вернадский обратил внимание на не менее важный, но малоизученный процесс выбора веры монгольскими ханами. Как известно, монголы исповедовали различные религии и культы. На первоначальном этапе осуществлялась равнопротекционистская политика по отношению ко всем вероисповеданиям. В условиях разделения единой империи на автономные улусы, когда резко усилились контакты монгольских и местных культур завоеванных территорий, встал вопрос унификации религиозной стороны общественной жизни, который в разное время склонялся от христианизации к исламу и наоборот. Однако монгольские правители прислушивались к местным настроениям и были терпимы к основной массе верующих того или иного религиозного толка. Только в уже более поздний период распада Золотой Орды потомки Чигис-хана стали гонителями, в зависимости от собственной вероисповедной политики, как христианства, так и мусульманства.

Глубоко анализируя понятия, Запад и Восток, евразийцы столкнулись с трудностями традиционного исторического подхода, который противопоставлял их. В научном плане евразийцы совершили своего рода прорыв, предложив новый исторический подход в концептуальном смысле. Они утверждали: «Концепция истории Старого Света, как истории дуэли Запада и Востока, может быть противопоставлена концепция взаимодействия центра и окраин, как не менее постоянного исторического факта [8]. Европа наряду с Китаем, Индостаном, Ираном представляется как окраинно-приморская часть целостного Континента, центр которого занимает евразийское пространство, населенное по преимуществу восточно-славянскими, финоугорскими и степными кочевыми племенами. Тогда главным проблематизирующим фактом истории можно представить борьбу за контроль над торговыми путями, ведущими с Запада на Восток и связывающими в одну систему основные хозяйственные миры. Эта тенденция ярко прослеживается в политике царей Ассирии и Вавилона, позднее Ирана-Персии, Александра Македонского, тюрко-монгольских ханов, русских императоров. «Продвижение России в Среднюю Азию, в Сибирь и в Приамурский край, проведение Сибирской железной дороги, – все это с XVI века и до наших дней, –

составляет проявление одной и той же тенденции. Ермак Тимофеевич и фон Кауфман или Скобелев, Дежнев и Хабаров, – продолжатели великих монголов, пролагатели путей, связующих Запад и Восток, Европу и Азию, Та-цзинь и Китай [9]. Таким образом, общая схема истории Старого Света выглядит как взаимодействующая целостность «окраинно-приморских» и «центрального» областей. При этом период с 1000 года до н.э. до 1500 года н.э. отмечен мощным, плодотворным и напряженным взаимодействием различных миров, что вызвало появление богатейшей культуры, плодами которой мы до сих пор живем. В этот период можно было проследить многочисленные параллели культурного развития народов различных областей [10].

Следующий этап, наступивший после краха империи Тимура, когда срединное евразийское пространство приходит в упадок, и исчезают сухопутные связующие пути Запада и Востока, характеризуется изоляцией и раздробленностью указанных миров. Начиная с этого времени, будущие судьбы человечества зависят от способности восстановить взаимодействие, прежде всего восстановлением евразийского центра континента. В этом контексте утверждение самобытности и особенности исторического процесса на евразийском пространстве представляется обоснованным.

Историческая концепция евразийства содержит в себе специфичность исторического развития экономики, социального-государственного устройства, особенностей политического, психологического, индивидуально-ценностного развития.

Г. В. Вернадский в своем труде: «Начертания русской истории» выделял основные фазы истории создания единого евразийского государства, отмечая при этом, что история русского народа есть история постепенного освоения русским народом Евразии:

– исходная фаза – скифский период. Около V в. до н.э. скифское государство объединяет Западную Евразию, скифы держат степи Северного Причерноморья, захватывают и лесную полосу, речные выходы из леса в степь; Скифское государство отчасти унаследовано, отчасти разбито сарматами, в дальнейшем часть скифского государства собрана готами. Готов сменяет новое государственное объединение общеевразийского масштаба – гуннская империя. После

распада гуннской державы на ее территории образуются державы Аварская (от Адриатического моря до Днепра), Хазарская (Днепр – Аральское море), «Западных тюрок» (к востоку от Аральского моря). В дальнейшем на нижнем Дунае возникает Болгарское царство, от Дуная до Каспийского моря – мимолетная славяно-русская империя Святослава, на средней Волге и Каме царство камских болгар.

Следующая ступень – распад лесостепной (Киево-Черноморской) империи Святослава. Печенеги, затем половцы захватывают степь.

Дальнейшая ступень – распад и Киевского княжества на отдельные.

– следующая фаза представляет собой новый круговой процесс – воссоздание всеевразийской державы.

В первой трети XIII века монгольская империя Чингис-хана и его преемников охватывает собой все пространство Евразии (захватывая и соседние земли). Монгольская империя распадается уже в XIV веке на несколько крупных составных частей (Золотая Орда, Джагатай, Иль-Ханы (Персия), Срединное царство (Китай). Попытка собрать первые части – империя Тимура (конец XIV – нач. XV вв) с центром в Самарканде. К середине XV века обозначилось полное распадение тимуровской системы держав. На месте Золотой Орды восстают Литва, Русь, Казанское и Крымское царства. На востоке от Волги расположились кочевнические государства киргизкайсаков, узбеков, ойратов.

С конца XVI века начинается быстрое продвижение русских на северо-восток (Сибирь), в XVIII веке – на восток. К последней четверти XIX века Российская империя охватывает почти всю Евразию (кроме собственно Монголии и так называемого Китайского Туркестана) [11].

Союз советских республик, потеряв много коренных русских земель на западе бывшей Российской империи, удержал русские владения на востоке и даже отчасти продвинул евразийское государственное объединение к востоку.

Развивая прямолинейную схему развития евразийской истории и государственности, Г. В. Вернадский, еще в 1927 году наводил своих читателей на мысль, что следующей фазой развития евразийского государственности (СССР) является распад государства. Его предположение оказалось пророческим: Советское государство

распалось на независимые республики, которые со временем стали интегрироваться в евразийское пространство экономического, энергетического, таможенного единства.

Евразийцы отмечали, что историческая наука может делать своим предметом эволюцию каждого общества взятого в отдельности, но вследствие этого получают только частные истории тех или других народов. Знание истории только тогда делается цельным, когда оно обратится ко всем ко всем когда-либо существовавшим обществам и соединит частные истории в одну историю, поставив ей задачу изобразить эволюцию всех человеческих обществ. В полное, стройное и целостное знание всех исторических явлений, более конкретное и более абстрактное. Чем абстрактнее будет это изображение всемирной истории, тем легче будет достигнуть полноты, стройности и целостности знания.

Евразийцы, обосновавшие историческую концепцию, евразийства указывали на синергический межнаучный и междисциплинарный подход в исследовании истории Евразии. Развивая философию истории они пытались объяснить почему отношение философии к миру духовности и общественной жизни, а следовательно, и к миру истории, должно быть иным, чем к миру материального бытия, к миру природы.

Значение философии в историческом знании они объясняли следующим:

– во-первых, занятие историей, как и всякая искусственная деятельность, должно иметь свою теорию, дающую известные правила, коими должен руководствоваться историк. Совокупность этих правил, мы называем историкой, к ней можно отнестись просто научно или философски, когда мы начертываем при помощи философских идей идеал исторического знания: тогда историка превращается в историософию;

– во-вторых, теория исторической науки немыслима без теории тех явлений, которыми наука эта занимается, т.е. без знания законов психологии и социологии, как равным образом и историософия немыслима без исследования того, что названо формулой прогресса. Историософию создает таким образом внесение философского элемента в историю, как теорию теоретического знания в психологию с социологией, как теории исторических явлений;

– в-третьих, на историческую науку мы смотрим как на наставницу жизни, в научных пределах она может давать только чисто эмпирические указания, наставницей жизни должна быть и философия, которая жизни цель, создает формулу прогресса, как план жизни ввиду идеальной цели истории;

– в-четвертых, историческое знание только тогда может быть полно, стройно и целостно, когда мы пользуемся материалом науки не ради удовлетворения общей любознательности чисто объективной, но и для удовлетворения потребности нашей судить явления как дурные так и хорошие, оценивать их смену как переход от худшего к лучшему, находить во всей совокупности известных нам актов один или другой общий смысл, поддержку бессознательного пессимизма и оптимизма, с которыми мы относимся к жизни человечества [12].

Евразийцы в исследовании исторического процесса евразийских народов не всегда были едины во мнениях, нередко спорили и пытались доказать свое видение исторической концепции евразийства. Так, историк-евразиец С. Г. Пушкарев был убежден в самостоятельности и обособленности исторического пути русского народа и отрицал его причастность к общеевропейскому историческому процессу. Он призывал не смешивать его и с историей кочевых народов, подчеркивая, что не склонен идеализировать взаимоотношения России и кочевого Востока. В то же время, С. Г. Пушкарев в отличие от другого историка Н. И. Костомарова, утверждавшего, что в основе многолетней борьбы русских со степняками лежит «заветная пламенная ненависть», осознавал естественный ход взаимовлияния соседних народов, которые не были отягощены взаимоистреблением и выживанием.

Таким образом, предлагаемая евразийцами историческая концепция методологически выливается в русло «государственной» школы, когда в основе исторического процесса находится государствообразующий фактор. Что касается методологических оснований, можно отметить, что если долгое время традиционная историография опиралась, главным образом на гегелевскую философию истории, то в построениях евразийцев, в частности Г. В. Вернадского сквозит скорее «позитивистский» дух [13].

Новый подход к изучению и осмыслению истории Евразии в контексте взаимовлияния различных культур и исторических явлений, позволил евразийцам обосновать собственную историческую концепцию, качественно отличающуюся от традиционной концепции истории русского народа. При этом необходимо учитывать сложную политическую обстановку и сложившуюся творческую поисковую среду в условиях которой работали евразийцы. Нередко возникавшие в их кругах противоречия и разночтения исторических событий и их трактование свидетельствуют о силе их увлеченности и стремлении охватить все проблематичные и малоосвещенные вопросы истории евразийского пространства. Однако в некоторых случаях это приводило к преувеличению, передергиванию значения тех или иных исторических фактов. В частности речь идет о некоторой идеализации и пафосности ведущей, главенствующей роли русского народа на евразийском пространстве, преувеличению роли монгольского завоевания, пристрастности в противопоставлении Запада и Востока.

Тем не менее, ценность евразийской исторической концепции во многом заключается именно в смелости, самостоятельности суждений, научной добросовестности, позволившей поновому взглянуть на историю народов, населяющих Евразию. Евразийское видение и понимание хода исторического процесса на евразийском пространстве позволяют современным ученым представлять дальнейшую картину альтернативного евразийского взаимодействия уже в условиях республик СНГ. Историческая концепция Евразии представленная в наследии евразийских ученых убеждает нас в том, что только целостный исторический ход развития Евразии позволяет увидеть уникальность и своеобразие истории каждого народа, населяющего Евразию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евразийство: опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 34-35.
2. Савицкий П.Н. Евразийская историческая концепция // *Континент Евразия*. М., 1997. С. 98.
3. Там же. С. 100.
4. Там же. С. 102.
5. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага. 1927; Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории // *Континент Евразия*. М., 1997. С. 303-331; *Он же*. Степь и оседлость // Там же. С. 332-341.